

А
Г. И. Успенский

<Автобиография>

Г. И. Успенский. Собрание сочинений в девяти томах.

Том девятый. Статьи. Письма.

М., ГИХЛ, 1957

Издание осуществляется под общей редакцией В. П. Друзина

Подготовка текста и примечания А. В. Западова и Н. И. Соколова

OCR Бычков М.Н.

Флорентий Федорович! Вы хотите от меня биографических сведений обо мне самом. Не раз уже я получал предложения от составителей разных биографических словарей, иногда даже с приложением таблиц, разграфленных как участковые листки: "Лета. Где родился. Звание. Место учения. Давно ли почувствовал стремление" и т. д. И при всем моем желании я никогда не мог удовлетворить желаний господ составителей словарей. Не знаю, могу ли исполнить и ваше желание, так как никаких мало-мальских определенных и кратко выраженных подробностей моей нравственной жизни -- никаким образом невозможно изложить в краткой заметке; надобно перебрать все, что я написал, указать каждую страницу, объяснить, отчего она написана так, а не иначе -- чтобы видеть, какие условия жизни заставили меня и жить и думать именно так, как я думал и как писал. Личные подробности моей биографии вроде того, что родился я 14 ноября 1840 года в Туле и там учился в гимназии до <18>56 года, после чего переехал и поступил в Черниговскую гимназию, откуда в <18>61 году поступил в С<анкт>-петербургский унив<ерситет>, откуда перешел в Московский, где благополучно курса и не окончил, -- такие подробности, с присовокуплением сведений о моей жизни в семье, в семейной обстановке, все это, рассказанное -во всех подробностях, решительно не имеет в себе даже и зародыша того, из чего сложилась моя литературная жизнь. Вся моя личная жизнь, вся обстановка моей личной жизни лет до 20-ти, обрекла меня на полное затмение ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятий, неразвитость и вообще отдаляла от жизни белого света на неизмеримое расстояние. Я помню, что я плакал беспрестанно, но не знал, отчего это происходит. Не помню, чтобы до 20 лет сердце у меня было когда-нибудь на месте. Вот почему, когда "настал <18>61 год", взять с собою "в дальнюю дорогу" что-нибудь вперед из *моего личного прошлого* было решительно невозможно -- ровно ничего, ни капельки; напротив, для того, чтобы *жить* хоть как-нибудь, надобно было непременно до последней капли *забыть все* это прошлое, истребить в себе все внедренные им качества. Нужно было еще перетерпеть все то разорение невольной неправды, среди которой пришлось жить мне годы детские и юношеские, надо было потратить годы на эти непрестанные похороны людей, среди которых я вырос, которые исчезали со света безропотно, как погибающие среди моря, зная, что никто не может им помочь и спасти, что "не те времена". Самая безропотность погибавших людей, явное сознание, что все, что в них есть и чем они жили, -- неправда, и ложь, и беспомощность их, уже одно это прямо убеждало людей моего возраста и обстановки жизни, что из *прошлого* нельзя, и не надо, и невозможно оставить в себе даже самомалейшего воспоминания; ничем из этого прошлого нельзя было и думать руководиться в том новом, которое "будет", но которое решительно еще неизвестно. Следовательно, начало моей жизни началось только *после забвения моей собственной биографии*, а затем и личная жизнь и жизнь литературная стали созидаться во мне одновременно *собственными средствами*; в опустошенную от личной биографии душу я пускал только то, что во всех смыслах противоречило неправде; каждая "малость", которая радовала душу, где бы я ее ни нашел, -- попадала теперь непременно в мою новую душевную родословную. Лицо, которого я мог не видеть никогда, но облик и сущность которого я чувствовал всем сердцем, -- мой родной, родственник, друг. Что бы ни случилось, я знаю, что "*он*" есть, а стало быть не надо и робеть. Личная душевная жизнь и неразрывная! с ней литературная работа поддерживались во мне и подкреплялись долгие годы без всякой личной или нравственной с чьей-нибудь стороны поддержки, и так было до <18>68 года, когда я уже стал ощущать и нравственную поддержку добрых и симпатичных мне людей. Но лет семь -- с <18>62-го по <18>68-ой--во мне было упорное желание не ослабеть в неотразимом сознании, что у меня никакой прошлой биографии нет... Одиночество в этом отношении

А